

Маттиас Александр Кастрен (1813–1852)

*профессор финского языка
и литературы*

Маттиаса Александра Кастрена, без сомнения, можно причислить к самым выдающимся деятелям Финляндии XIX в. Поскольку его слава основывается только на научной деятельности, он не так известен, как Элиас Лённрот или Й.В. Снельман, которых помнят больше за заслуги в литературе и политике, чем в науке. Роль Кастрена как ученого наиболее существенна, результаты его научных исследований по-прежнему убедительны и интересны. Кастрен был исследователем и путешественником, он собирал материалы, касающиеся языков и народов Северной Евразии. Кроме того, он развивал новые методы и подходы в языкознании и этнографии, основывающиеся на полевой работе. Богатые событиями путешествия Кастрена были объектом большого интереса просвещенной публики, а его ранняя смерть еще больше закрепила его исключительное положение как основоположника в науке. Вплоть до своей смерти Кастрен длительное время был профессором финского языка и литературы, став первым ученым, занимавшим эту должность.

Маттиас Александр Кастрен родился в Терволе 2 декабря 1813 г. И его отец, Кристиан Кастрен, в то время помощник пастора, позднее настоятель церковного прихода в Рованиеми, и мать Сусанна София Фельман происходили из семей потомственных священников и высоко ценили ученость. Его дядя по матери, настоятель прихода в Утсйоки и Инари Якоб Фельман, был ведущим исследователем Лапландии своего времени, а дядя по отцу, настоятель прихода в Кеми Маттиас Кастрен, увлекался науками. Его отец умер в 1825 г., и школьные годы молодого Александра в тривиальной школе Оулу прошли в нужде.

Кастрен поступил в Хельсинкский университет в 1830 г. и вступил в остроботнийское землячество. В 1836 г. он получил степень кандидата философии, для чего изучал восточные языки и философию, по всей видимости, имея целью пойти по традиционному для его семьи пути священника. Обстоятельством, заставившим Кастрена заинтересоваться языкознанием и этнографией Северной Евразии и, прежде

всего, исследованием финского фольклора, стал выход в свет в 1835 г. «Калевалы» Элиаса Лённрота. Подъем феннофильского движения и национально-романтические настроения не могли не оказать влияния на выбор его жизненного пути. Значительную роль в его формировании сыграл круг друзей Кастрена, в который входили, в частности, Элиас Лённрот, Ц. Топелиус, Й.Л. Рунеберг и Й.В. Снельман.

На характер исследовательской работы Кастрена, в свою очередь, решающим образом влияли те импульсы, которые он получал из международного научного мира. Сравнительное языкознание в первые десятилетия 19 в. развивалось быстрыми темпами. Одним из его основоположников был датчанин Расмус Раск, который помимо индоевропейских языков интересовался финским и родственными ему языками, и от него Кастрен перенял основы принципов исследования истории языка. Наставник Кастрена, который планировал его поездки по Сибири, академик А.Й. Шёгрэн был также хорошо знаком с новыми течениями в языкознании. Научная заслуга Кастрена заключалась в том, что он смог творчески применить и развить теоретические знания в ходе сбора и анализа колоссального полевого материала.

Первую свою научную поездку Кастрен совершил летом 1838 г. в Финскую Лапландию, где он изучал саамский язык и саамский фольклор и мифологию. На основе собранного материала в 1839 г. он подготовил диссертацию о склонении имен в финском, эстонском и саамском языках «*De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica*», после чего в 1840 г. стал доцентом финского языка и языка древних северных племен. В книге для анализа чередований согласных он использовал методики Раска и других пионеров индоевропеистики, таких как Франц Бопп и Якоб Гримм. Принцип чередования согласных анализируется также в его статье на шведском языке «*Замечания относительно некоторых звуков в финском языке*» (1841).

Летом 1839 г. на средства, выделенные Финским литературным обществом, Кастрен отправился в Восточную Карелию для сбора лингвистического и фольклорного материала. Во время поездки он познакомился с поэтическим языком северных карелов, что позволило ему начать шведский перевод «Калевалы». Переведенный им на шведский язык эпос вышел в 1841 г. Это был первый полный перевод «Калевалы», и позднее его оценивали как работу высокого уровня. Во время весеннего семестра 1841 г. он в качестве доцента читал лекции по «Калевале».

Свою первую большую исследовательскую экспедицию Кастрен предпринял вместе с Элиасом Лённротом в 1841 г., отправившись в Лапландию. В их планы входило посещение русской Лапландии, но они вынуждены были остаться на территории Финляндии и Норвегии. В январе 1842 г. Кастрен узнал из письма Шёгрена, что Петербургская Академия Наук приняла решение направить большую научную экспедицию в Сибирь, на территорию проживания коренных

народов. Шёгрэн посоветовал Кастрену продолжить свое путешествие в Архангельск, где у него была возможность изучать ненецкий (юрако-самоедский) язык. В Архангельске он получил известие о том, что из средств финляндской казны ему выделены деньги на изучение самоедских языков. Таким образом, летом 1842 г. он, после того как Лённрот поехал в Карелию и еще раз безуспешно попытался попасть на Кольский полуостров, начал работу в Архангельской губернии, собирая материалы у проживавших там ненцев. В ноябре он из Архангельска продолжил свое путешествие по территориям проживания ненцев на европейском Севере и в Сибири. Он преодолел тяжелый путь вдоль арктического побережья и через тундру, в феврале 1843 г. прибыв в Пустозерск, расположенный на берегах Печоры. В апреле он продолжил экспедицию на юг вдоль Печоры к староверам в Усть-Цыльму и в центр северных коми Ижму, жители которых отнеслись к нему с недоверием. В конце июня – начале июля он побывал в деревне Колва, где изучал как ненецкий язык, так и северные диалекты коми (зырянского) языка. В сентябре он закончил рукопись по грамматике коми языка, которую, по совету Шёгрена и в связи с замыслами совершить исследовательскую экспедицию в Сибирь, послал в Петербургскую Академию Наук в доказательство своих научных талантов. Вскоре после этого он продолжил поездку на восток вдоль реки Уса в место, где предстояло дожидаться начала зимы, прежде чем можно будет перейти Урал. На этом этапе он первый раз почувствовал, что его здоровье серьезно пошатнулось. В Обдорск он прибыл в ноябре 1843 г. Там Кастрен продолжил изучение ненецкого языка, сделав важные наблюдения о родстве ненецкого и финского языков. Состояние его здоровья, однако, вызывало опасения, и, немного подлечившись, он в феврале 1844 г. отправился по Оби на юг в Березово. Там Кастрену был поставлен диагноз «туберкулез», и, таким образом, ему пришлось отправиться обратно на родину, хотя Академия Наук Петербурга уже выделила ему средства на продолжение исследовательской экспедиции. Услышав диагноз, Кастрен поначалу был готов отказаться от своих исследований, но когда болезнь немного отпустила, он начал планировать продолжение полевых работ на следующий год, на что согласилась и Академия Наук.

Кастрен вернулся в Хельсинки в мае 1844 г. Там он быстро доработал и напечатал грамматику коми языка «*Elementa grammatices Syrjaenae*» (1844), за которую Академия Наук наградила его почетной Демидовской премией. Раздел книги, касающийся именного склонения «*De nominum declinatione in lingua Syrjaena*» был в том же году засчитан за докторскую диссертацию. Выдающейся следует считать его статью по исторической фонетике, вышедшую на шведском языке («*О значении ударения в саамском языке*», 1845). В осенний семестр 1844 г. он читал лекции по финской грамматике. Помимо всего прочего, в Хельсинки он изучал марийский (черемисский) язык с помощью служившего там солдата-мари.

В феврале 1845 г. Кастрен отправился в новую поездку по Сибири, взяв с собой только что получившего степень магистра Юхана Рейнгольда Бергстади. В Петербурге Кастрен обсудил цели поездки с академиком Шёгреном. В апреле путешественники прибыли в Казань. Там Кастрен закончил написание грамматики марийского языка «*Elementa grammatices Tschheremissae*» (1845), которой, правда, сам автор позднее был недоволен, потому что после редактирования книги там оказалось большое количество опечаток.

В мае их путь пролегал через Урал и Екатеринбург в Тюмень и дальше в Тобольск. Языковедческая работа началась сначала с ханты (остяками), проживавшими вдоль Иртыша и Оби. В небольшой деревне Торопково Кастрен встретил несколько лесных ненцев, (пользуясь терминами Кастрена, кондинских самоедов), язык которых заметно отличался от ранее исследованного им языка тундровых ненцев. Следует упомянуть, что язык лесных ненцев – единственный язык, который до Кастрена был совершенно не известен науке. Что касается других языков, то уже существовали как минимум небольшие словари. Сравнительный анализ языка тундровых и лесных ненцев открыл Кастрену новое видение истории лексики и фонетики, и результатом работы стала статья на шведском языке «*Замечания о родстве самоедского и финского языков*» (1846), которая сильно продвинула вперед этимологическое исследование уральских языков.

Конец лета 1845 г. Кастрен провел в Сургуте, работая над рукописью грамматики хантыйского языка, которую Бергстади перевел на латынь. В сентябре исследователи отправились на лодке вверх по Оби и в октябре прибыли в небольшой городок Нарым. Проживавшие вокруг него селькупы (остяко-самоеды) стали следующим объектом исследований Кастрена. Хотя селькупы по языку сильно отличались от ханты (или истинных остяков), их также называли остяками, пока Кастрен не внес ясность. Путешествие по местам поселения селькупов продолжалось на нарте, пока в марте 1846 г. Кастрен и Бергстади не прибыли в Томск, откуда продолжили путь на восток к Енисею через Красноярск в Енисейск. Оттуда они в начале апреля направились в разные стороны: Кастрен сосредоточился на исследовании диалектов местных селькупов, поручив Бергстади изучение языка кетов (енисейских остяков). Кетский язык, который раньше называли только остяцким, по своей структуре принципиально отличался от других языков Западной Сибири, и как объект исследования был весьма сложным, из-за чего Бергстади не сильно преуспел в своей работе.

В конце мая Кастрен и Бергстади вернулись в Енисейск и вместе продолжили путь по реке на север через поселения кетов и эвенки (тунгусов). В нижнем течении Енисея они в июне достигли Туруханска, где обнаружили проживавших вокруг него северных селькупов. Помимо языковедческой работы, Кастрен собирал традиционные предметы обихода эвенки, кетов и селькупов, такие как одежду и

орудия охоты, и отправлял их в этнографический музей Академии Наук. Экспедиция продлилась до конца июля и достигла Северного Ледовитого океана, территории проживания ранее не известных Кастрену жителей, говорящих на самодийских языках – энцев (енисейских самоедов) и нганасанов (тавгийцев). В начале сентября ученые дошли до села Дудинка, находившегося в нижнем течении Енисея. Бергстади заболел и не последовал за Кастреном, когда тот в конце ноября отправился к самому северному пункту экспедиции, к Толстому Носу, расположенному на восточном берегу Енисейского залива. В жутком холоде Кастрен в течение двух недель выявлял отличительные черты самодийских языков этой территории и собирал этнографический материал.

На обратном пути на юг Кастрен забрал больного Бергстади из Дудинки, и в январе 1847 г. они снова прибыли в Туруханск. Кастрен теперь сосредоточился на изучении кетов, однако, Бергстади не был способен больше работать и вернулся через Енисейск и Казань в Финляндию. В конце марта Кастрен вернулся в Енисейск, где продолжил работу по изучению кетского языка. У него иногда проявлялись симптомы болезни, но с приближением лета он почувствовал прилив сил и направился на юг.

Через Красноярск и Минусинск Кастрен пересек гористые и степные районы Южной Сибири и достиг Саянских гор, а затем тайно пересек границу и проехал по территории Китая. Осенью он повстречал народность камасинцев, насчитывавшую 150 человек, чей язык относится к группе самодийских языков. Помимо камасинского языка он изучал два тюркских языка, именуемые теперь хакасским языком, и особенно его койбальский диалект, а также близкий к тувинскому (сойотскому) тофский (карагасский) язык. Большая часть предков этих жителей говорила на самоедских языках, либо на камасинском, либо на маторском языке, последние носители которого умерли только несколько лет до того. Вместо этого Кастрен повстречал в тех краях стариков, которые знали еще коттский язык, язык более южных регионов, родственник кетскому языку. В марте 1848 г. он, весьма ослабленный, прибыл в Иркутск, откуда, помимо записей по языкознанию, отправил в Петербург также обширную археолого-этнографическую коллекцию. Правда, часть самых интересных находок, сделанных, в частности, в районе Минусинска, вероятно, пропала. Затем он поехал через Байкал на территорию бурят, говорящих на монгольском языке и исповедующих буддизм. Из города Кяхта он во второй раз побывал в Китае, а в мае достиг самой восточной точки своего путешествия, Нерчинска. В его окрестностях он изучал эвенкийский язык, а также древние захоронения и наскальные надписи этого края. В июне 1848 г. Кастрен поехал в обратный путь, который из-за туберкулеза и других болезней, таких как дизентерия и цинга, продлился больше полугода, так что он прибыл в Петербург только

25 января 1849 г. В феврале, после экспедиции, продлившейся без малого четыре года, он отправился в Хельсинки.

На родине здоровье Кастрена улучшилось, и он принялся энергично готовить результаты своих исследований к публикации. Первой была готова к печати грамматика хантыйского языка с прилагающимся словарем (опубликована на немецком языке в 1849 г.). В том же году 9 ноября он выступил с привлекшей большое внимание лекцией «Где находится колыбель финского народа?», в которой он с помощью спонтанных лексических сравнений пытался доказать, что финский язык, а, следовательно, и финский народ является родственным не только народам, говорящим на самодийских, но также тюркских и монгольских языках, и что их общая прародина находится на Алтае. На современный взгляд, лекция была выдержана в романтических тонах, что не было характерно для Кастрена. С другой стороны, речь с самого начала не шла о научном докладе.

Диссертация Кастрена *«De affixis personalibus linguarum Altaicarum»* (1850), представленная для получения должности профессора, демонстрирует высокий уровень сравнительного языкознания своего времени. В ней он предлагает схемы личных окончаний уральских, тюркских, монгольских и тунгусских языков. То, что современные исследователи не согласны с позицией Кастрена по поводу изначального родства упомянутых языковых семей, не умаляет достоинства этого труда. 14 марта 1851 г. Кастрен был назначен первым профессором финского языка и литературы. Назначение он получил лично от канцлера университета, наследника престола, ставшего позднее императором Александром II. В должности профессора он читал лекции по этнологии изучаемых им народов, финской и финно-угорской мифологии, а также по «*Калевале*». Одновременно он писал очерк о своих экспедициях до 1844 г. и постоянно работал над своим главным произведением, грамматикой самоедских языков. В январе 1852 г. симптомы туберкулеза вновь усилились, на этот раз распространившись на диафрагму и кишечник. Хотя в таком состоянии он еще мог время от времени работать, 7 мая 1852 г. он умер, так и не закончив написание книги. Однако накануне кончины ему удалось дописать рукопись, касающуюся мифологии финского народа.

Смерть Кастрена глубоко потрясла современников, о чем, в частности, свидетельствует речь Снельмана, произнесенная в его память. Большую озабоченность вызвал вопрос о судьбе его обширных научных собраний. К счастью для потомков, Петербургская Академия Наук поручила доработку рукописей Кастрена авторитетному лингвисту и другу Кастрена Антону Шифнеру. Под его руководством Петербургская Академия в течение десяти лет издала серию из 12 томов на немецком языке под названием «*Северные экспедиции и исследования доктора М.А. Кастрена*». Собрание включало в себя очерк, написанный Кастреном по результатам первых научных экспедиций 1838–1844 гг.

(1853), упоминавшееся ранее исследование на тему мифологии (1853), главный труд Кастрена – грамматику самодийских языков (1854), которую Шифнер блестяще отредактировал, хотя и слишком упростил многие суждения. Был также издан отредактированный Шифнером сравнительный словарь самодийских языков (1855), собрание очерков и писем из второй большой экспедиции Кастрена 1845–1849 (1856), грамматика и словарь эвенкийского языка (1856), заметки Кастрена по этнографии и фольклору (1857), грамматика и словарь бурятского языка (1857), грамматика койбальского диалекта хакасского языка и грамматика тофского языка (1857), переработанное издание грамматики и словаря хантыйского языка (1858), грамматика и словарь кетского и коттского языков (1858), а также немецкие переводы наиболее известных статей Кастрена (1862). На шведском языке в шести томах было опубликовано собрание *«Северные экспедиции и исследования»* (1852–1870), пять томов которого соответствуют упомянутому изданию на немецком языке, а шестой том включает в себя, в частности, переводы на шведский язык диссертаций Кастрена.

Та как в труд *«Северные экспедиции и исследования»* были включены только избранные рукописи Кастрена, их издание продолжалось и позднее, хотя и не систематично. Наиболее важными публикациями являются собрание устного народного творчества самодийцев (1940) под редакцией Т. Лехтисало и материалы к изучению языков селькупов и лесных ненцев, изданные тем же редактором (1960). В числе рукописей Кастрена есть много неизданного материала, и работа Шифнера как редактора во всех отношениях не была безупречной. В настоящий момент есть все предпосылки для осуществления наиболее полного комментированного издания рукописей, однако, время покажет, примет ли Финляндия такое мудрое решение в преддверии празднования 200-летнего юбилея Кастрена.

Маттиас Александр Кастрен – самый удивительный языковед в масштабах всего мира. На основе материалов, собранных им по большей части в крайне тяжелых условиях, вышло в свет в общей сложности четырнадцать грамматик различных языков. Эти языки относятся к пяти языковым семьям: уральской (марийский, коми, хантыйский, а также пять самодийских языков – ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский и камасинский), тюркской (хакасский и тофский), монгольской (бурятский), тунгусской (эвенкийский) и енисейской (кетский и коттский язык). В разных своих произведениях он рассматривал множество других языков. Кастрен был основоположником сравнительной уралоистики и исследования языков Сибири, и благодаря тому, что он начал настоящие полевые работы по языкознанию, его следует считать основателем этнолингвистики или антропологического языкознания. Однако в англоязычной литературе создание этого направления обычно связывается с американскими учеными, определявшими ситуацию в этой области

значительно позднее. Авторитет Кастрена был наиболее прочным главным образом среди ученых Центральной и Восточной Европы, и его публикации по-прежнему активно цитируются. Кастрен как лингвист был разносторонним первопроходцем. Он также достиг достойных результатов как этнограф, собиратель фольклора, знаток религий и археолог. В частности он первым ввел понятия экзогамии и анимизма, рассматривал взаимоотношения магии и религии, а также предложил публикацию оригинальных фольклорных записей, ставших материалом для *«Калевалы»*.

— ТАПАНИ САЛМИНЕН

Приложение:

Маттиас Александр Кастрен, род. 2.12.1813 Тервола, умер 7.5.1852 Хельсинки. Родители: Кристиан Кастрен, настоятель церкви в Рованиеми, умер 1825, и Сусанна София Фельман, умерла 1848. Жена: 1850 – Ловиса Наталья Тенгстрём, род. 1830, умерла 1881, родители жены: Юхан Якоб Тенгстрём, профессор философии, и София Магдалена аф Тенгстрём. Дети: Роберт, род. 1851, умер 1883, главный редактор газеты «Гельсингфорс Дагблад», депутат сейма, историк.